

Повторим: в «Слове» князья индивидуализированы, а бояре анонимны.⁴⁰ В «Задонщине», напротив, «князи русские» анонимны, а бояре особенно выделены. Эпоха изменилась.

Софоний не упоминает даже таких значительных князей, как тверской и рязанский.

При указанном невнимании к русским князьям бросается в глаза особо выдвинутая роль литовских служилых князей. Только Андрей и Дмитрий Ольгердовичи названы по именам и обрисованы ярко, с живыми разговорами.⁴¹ Именно к ним применена взятая из «Слова» характеристика витязей-кураян, именно Андрей произносит удалые слова князя Игоря: «Сядем на борзья свои комони, посмотрим быстрого Дону», а Дмитрий Ольгердович отвечает ему: «Брате Ондрей, не пощадим живота своего за землю, за Рускую, и за веру крестьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» (У, С).

Особое выдвижение роли князя Владимира Андреевича и его шурьев Ольгердовичей дало А. А. Шахматову повод предполагать, что в основе «Задонщины» лежало некое «Слово о Мамаевом побоище», написанное в Серпухове, при дворе Владимира Андреевича. Нам кажется, что такая рабочая гипотеза излишня: без всякого промежуточного «Слова» иерей Софоний мог написать в Серпухове свою «Задонщину». Пограничных застав между княжествами, вероятно, не было, и иерей из Рязани мог легко подняться по Оке через Коломну в недалекий Серпухов. Но и если оставить в стороне такое предположение, то особая роль Владимира Андреевича объясняется тем, что он действительно был первым после Дмитрия на феодальной лестнице, его верным братом и сотрудником, а в Куликовской битве был во главе засадного полка, решившего битву. Кроме того, у Софония был пример — роль брата Всеволода при Игоре.

В «Задонщине» особенно подчеркнута легитимность московской династии. В самом начале Софоний обещает «поведати иными словесы» «похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнуков святого великого князя Владимира Киевского» (И, У, С). Сам Дмитрий обращается к русским князьям со словами: «Гнездо есмя великого князя Владимира Киевского» (И, У, С).⁴²

⁴⁰ Единственное исключение: по прозвищам названы черниговские были — коуи: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги и Ольберы. Но это прозвища крупных родов, опять группы, а не личности, пережиток родового быта кочевников. Названия эти хорошо объяснены в книге: Rásonyi. Les noms de tribus dans le «Слово». Praha, 1936, Прилож. 1, 3—9. — Seminarium Kondakovianum, t. VIII.

⁴¹ В трех списках (И, V, С) рядом с ними упомянут и «князь Дмитрий Волинский», в Б его нет. Дальше он никакой роли не играет. Мы не можем согласиться с мнением, что во второй половине битвы следует всюду заменить имя великого князя Дмитрия Ивановича именем князя Дмитрия Волинского. Вся вторая половина «Задонщины» прославляет Владимира Андреевича, вступившего в бой со свежими силами и ободившего своего брата: «Не уставай, князь великий, с своими великими полки, не потакай крамольникам». Тогда князь великий Дмитрий Иванович говорит своим боярам: «То ти ваши московские слаткие меды и великие места». Тут намек на замешательство в великом полку. Помолясь, князь великий ободрился и наступает на татар вместе с Владимиром Андреевичем. Великий князь Дмитрий назван здесь восемь раз. Если его заменить Боброком, то непонятно, как Владимир мог советовать ему не уставать, когда Боброк в засаде давал ему мудрые советы. Тот факт, что несмотря на выдвижение роли Боброка в Сказании и в летописях XV в. во всех списках «Задонщины» (XVI и XVII вв.) твердо стоит имя великого князя, доказывает, что это первоначальная редакция. Только в Иг добавлено к описанию выезда Владимира Андреевича фраза «со своим князем Волинским». Это добавление, которого нет в остальных трех списках, показывает, что «великий князь Дмитрий Иванович» в дальнейшем изложении не может быть князем Волинским.

⁴² Только в списке Б Дмитрий говорит всем князьям: «Гнездо есмя были едино князя великого Ивана Данильевича». Это позднейшая ошибка списка. Дмитрий не мог